

В. А. НОВОДРАН

(ДНЕПРОПЕТРОВСК)

НАПАДЕНИЕ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ НА ПОЛЬШУ В 1939 ГОДУ

Вторая мировая война, принесящая человечеству неисчислимые жертвы и страдания, возникла вследствие соперничества и острых противоречий между двумя империалистическими группировками — между фашистским блоком, возглавлявшимся гитлеровской Германией, и англо-франко-американским блоком держав. Началом войны явилось разбойническое нападение фашистской Германии на Польшу. В настоящей статье освещается тот период польской истории, который обычно принято именовать «сентябрем» или сентябрьским поражением¹.

¹ В советской литературе данная тема освещалась в следующих работах: В. Т. Фомин. Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. М., 1952; его же. Подготовка немецко-фашистской агрессии против Польши в 1938—1939 гг.—Сб. «Провал империалистических планов в отношении Польши в годы второй мировой войны». М., 1952; М. И. Богуславский. Борьба СССР за коллективную безопасность и за независимость Польши в 1939 г.— Там же; его же. Польша в годы развязывания второй мировой войны. Захват страны гитлеровскими оккупантами.— «История Польши», т. III. М., 1958; П. М. Калениченко. До питання про причини краху буржуазно-поміщицької Польщі у вересні 1939 р.— «Історичні зв'язки слов'янських народів». Київ, 1956. Следует также указать на брошюру польского публициста: В. Грош. У истоков сентября 1939 года. Перев. с польского. М., 1951. В указанных работах основное внимание уделяется главным образом внешнеполитической стороне рассматриваемой нами проблемы.

Документальных архивных материалов, относящихся к борьбе польского народа против нашествия гитлеровских войск в 1939 г., сохранилось не так много. Основная их масса либо пропала во время военных действий, либо была вывезена в Англию. То, что имеется по этому вопросу в Польше, хранится главным образом в Центральном военном архиве министерства обороны ПНР. Фонды этого архива послужили основным источником для исследования событий, освещенных в данной статье.

Важные сведения, помогающие восстановить картину сопротивления польского народа фашистскому нашествию в сентябре 1939 г., а также показать общий ход сентябрьской кампании и отдельных сражений, содержатся в многочисленных мемуарах, выходящих во время и после войны как на Западе, так и в самой Польше. В большинстве этих работ события освещаются с военной точки зрения (см., например, «Obrona Warszawy. Wrzesień 1939 roku». Londyn, 1940; «Warszawa w ogniu. Kronika dni wrzesniowych». Warszawa, 1942; L. Schweizer. Wojna bez legendy. Scotland, 1943; St. Knauff. Wojna zaczęła się w Gdańsku. Warszawa, 1946; J. Kirchmayer. Kampania wrzesniowa. Warszawa, 1946; «1939 i 1944. Kilka zagadnień polskich». Warszawa, 1957; T. Kutscheba. Bitwa nad Bzurą.— «Wojskowy przegląd historyczny», 1956, № 1; 1957, № 1; K. Wierzyński. The Forgotten Battlefield. New York, 1944 и др.). Значительное внимание сентябрьской катастрофе уделено в мемуарах бывшего польского министра иностранных дел Ю. Бека («Pamiętniki Józefa Becka (Wybór)», Warszawa, 1955, а также швейцарское издание этих мемуаров: Colonel J. Beck. Dernier Rapport. Politique polonaise 1926—1939. Neuchatel, 1951), в записках бывшего премьер-министра Польши Ф. Славой-Складковского (F. Sławoj-Składkowski. Prace i czynności Rządu Polskiego we wrześniu 1939.— «Kultura». Paryż, 1948, № 5), в записках польского посла в Париже Ю. Лукаевича (J. Łukasiewicz. Wrzesień 1939 r. w Paryżu.— «Orzeł Biały», 28.VIII. 1948; его же. Zabiegi o współdziałanie aliantów.— «Orzeł Biały», 11.IX.1948), и в записках некоторых других государственных деятелей (например, W. L. Półoś-Malinowski. Na rumuńskim rozdrożu.— «Kultura», 1948, № 7, и т. д.). Авторы этих мемуаров всячески стремятся

Одной из основных причин катастрофы, постигшей Польшу в 1939 г., явилась гибельная для страны предвоенная политика правящих кругов буржуазно-помещичьей Польши. Реакционный социальный строй послеверсальской Польши, антинародная внутренняя политика ее господствующих классов обусловили экономическую отсталость и военную слабость страны. Столь же недальновидной была и внешняя политика «демократий», заигрывая с германским фашизмом, польские горе-правители в то же время упорно игнорировали на протяжении всего межвоенного периода единственно верную возможность обеспечить независимость и процветание польского государства, заключающуюся в установлении дружественных отношений со своим могущественным восточным соседом — Советским Союзом. Проникнутые классовой ненавистью к социалистическому государству, польские правящие круги отклоняли все предложения о помощи против агрессии, выдвигавшиеся советским правительством накануне войны. Покинутая своими западными союзниками, Польша в сентябре 1939 г. оказалась внешнеполитически изолированной, чем и воспользовалась гитлеровская Германия.

1 сентября 1939 г. в 4 ч. 45 мин. утра на польскую территорию вторглась полуторамиллионная фашистская армия. Одновременно гитлеровская авиация начала систематические варварские бомбардировки польских городов и сел, аэродромов, железнодорожных путей и шоссе, промышленных предприятий и различных сооружений. В состав пяти гитлеровских армий, направленных против Польши, входило 57 дивизий и две бригады, в том числе шесть танковых и восемь моторизованных дивизий². Наступление сухопутных войск поддерживалось двумя воздушными флотами гитлеровской авиации.

В первые же дни войны обнаружилось подавляющее превосходство немецко-фашистской армии как в количестве дивизий, так и в вооружении. Буржуазно-помещичья Польша могла противопоставить гитлеровским силам значительно меньшую армию, состоявшую накануне войны из 35—38 пехотных и одной кавалерийской дивизии, 12 отдельных кавалерийских бригад и двух моторизованных бригад³, причем одна из них была сформирована лишь незадолго до начала военных действий. Особенный перевес немецко-фашистской армии сказывался в отношении бронетанковых и механизированных войск. С более чем 2500 танками гитлеровцев сражалось лишь около 900 польских танков⁴, причем большинство из них были легкие танки или танкетки. То же самое можно сказать и о военно-воздушных силах. Двум тысячам фашистских самолетов⁵

реабилитировать правящую клику буржуазно-помещичьей Польши и обелить свою деятельность в трагические для Польши дни. Исследуемый вопрос в той или иной степени затрагивался в работах ряда бывших гитлеровских генералов, а также в книгах буржуазных авторов Запада (К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., 1956; E. v. Manstein. Verlorene Siege. Bonn, 1955; S. Westphal. Heer in Fesseln. Bonn, 1952; W. Görlich. Der zweite Weltkrieg 1939—1945, Bd. I—II. Stuttgart, 1951—1952; Дж. Ф. Ч. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг. М., 1956 и др.). В них содержится важный фактический материал. Но общие концепции этих работ явно неприемлемы. Бывшие гитлеровские генералы, как правило, выгораживают себя. Всю вину за развязывание войны они сваливают на Гитлера. Английские и американские буржуазные авторы стремятся во что бы то ни стало оправдать предательскую позицию западных держав по отношению к Польше, грубо фальсифицируя при этом политику Советского Союза.

² «Вторая мировая война. 1939—1945 гг.». Военно-исторический очерк. М., 1958, стр. 60.

³ Там же, стр. 62.

⁴ Там же, стр. 60, 62.

⁵ К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 23. В других источниках указывается, что число самолетов, брошенных гитлеровской Германией на Польшу, составляло свыше 1500.— W. S. Churchill. The Second World War, vol. I. London, 1948, p. 346; T. Rawski. U źródeł berbronności armii przedwrześniowej.— «Myslewojskowa», 1954, № 9, str. 113. Данные Типпельскирха, вероятно, более точны.

противостояло около тысячи польских машин⁶. Если учесть также, что не хватало аэродромов, горючего, средств связи, боеприпасов, то станет ясно, что польская авиация была не в состоянии сколько-нибудь эффективно защищать страну и армию с воздуха⁷. К тому же предпринятые в самом начале войны налеты на польские аэродромы в течение двух дней уничтожили почти всю польскую авиацию. Используя свое полное господство в воздухе, гитлеровская авиация уже через два дня после начала войны почти полностью парализовала железнодорожный транспорт страны, что по существу сорвало выполнение объявленной 31 августа всеобщей мобилизации и исключило осуществление мобилизационного плана, а также возможность какого-либо маневра.

Значительное превосходство фашистской армии сказывалось также и в отношении всех других видов оружия. Огневая мощь польской пехотной дивизии была в три раза слабее огневой мощи немецкой пехотной дивизии. Польская армия имела очень небольшое количество тяжелой и особенно легкой артиллерии. Если на вооружении немецкого пехотного полка состояло 18 минометов калибра 81-мм, шесть 75-мм орудий и два 120-мм миномета, то в польском пехотном полку насчитывалось всего шесть минометов калибра 81-мм и два 75-мм орудия⁸. В польских частях остро ощущался недостаток противотанкового вооружения. В немецкой пехотной дивизии было, к примеру, 72 противотанковых орудия, а в польской — только 27⁹. Так же обстояло дело и с зенитным вооружением. Достаточно сказать, что Лодзь — крупнейший промышленный центр страны, важный железнодорожный узел, база снабжения трех польских армий, город, в котором находилось командование одной из этих армий и другие военные представительства, — не имела для своей защиты ни одного современного зенитного орудия. Между тем перед войной польское правительство продавало зенитное вооружение Англии¹⁰.

С самого начала войны во всей армии не хватало боеприпасов, особенно снарядов для артиллерии. Артиллеристы получали предупреждения, что снаряды следует расходовать как можно экономнее.

Очень плохо была организована служба связи. Телеграфные линии, тянувшиеся вдоль дорог, были в первые же дни войны разрушены вражеской авиацией. Нерегулярная связь, а затем и почти полное ее прекращение привели к тому, что части польской армии оказались предоставленными самим себе. Уже на четвертый день войны связь ставки главного командующего со штабами армий работала с большими перебоями, а с момента выезда Рыдз-Смиглого из Варшавы, т. е. с 6 сентября, она была почти совсем прервана. Вследствие непрерывных переездов главного командования самая мощная его радиостанция за время всей кампании ни разу не работала¹¹. А радиостанция, оставшаяся в Варшаве на прежнем месте дислокации штаба, продолжая получать от командиров отдельных армий различные донесения и запросы, не могла передавать их даль-

⁶ «Вторая мировая война, 1939—1945 гг.», стр. 62.

⁷ В авиации, как, впрочем, и во всех других областях военного дела, наглядно проявлялись роковые последствия преступной деятельности довоенных правителей Польши. «Нас направили в бой неподготовленными, на непригодной технике, — писал один из офицеров авиации. — Командующий авиацией (генерал Райский. — В. Н.), в течение многих лет отвечавший за состояние военно-воздушных сил, не подготовил к войне собственной авиации. Самолеты основных типов, которые могли бы принять участие в войне 1939 г., продавались за границу (истребители П-24), вместо того чтобы использовать их для собственной страны. Истребительная авиация располагала совершенно непригодной, устаревшей техникой. Наши истребители в 1939 г. имели вооружение, соответствовавшее уровню 1917 г.» — М. Monis. *Wierna straż polskiego nieba*. — «Wojsko ludowe», 1954, № 8, стр. 10.

⁸ Centralne Archiwum Wojskowe Ministerstwa Obrony Narodowej w Warszawie (далее — CAW), II (3) 2. Gen bryg. Gembal Aleksander, Komendant Ofic. Szkoły Piech. Wrocław, dn. 23.X.1947 r., do Szefa Biura Historycznego Wojska Polskiego.

⁹ Ibidem.

¹⁰ CAW, II (3) 2. Torun Stanisław, Wyciąg z uwag o planie wojny z Niemcami.

¹¹ CAW, II (3) 2. Gen. bryg. Gembal Aleksander dn. 2, 3.X.1947 r. do Szefa BHP.

ше, так как не имела связи со штабом Рыдз-Смиглого. Обслуживавший эту станцию офицер не знал, что делать с получаемыми депешами. Все его попытки передать в штаб главнокомандующего весьма важные сообщения успеха не имели¹². Находившийся при польском главном командовании французский генерал Арманго доносил 10 сентября Гамелену: «Здесь господствует полный хаос... Главное польское командование не имеет почти никакой связи с борющимися армиями и крупными частями... не имеет никакой информации о движении противника и даже о положении своих собственных войск осведомлено очень неточно либо совершенно не располагает сведениями»¹³.

Продвижение гитлеровских войск, наступавших с запада, севера и юга, облегчалось отсутствием надежных заградительных линий и укреплений, которые, как известно, правители буржуазно-помещичьей Польши создавали лишь на восточной границе, готовясь к войне с Советским Союзом. На востоке еще задолго до войны сооружались пограничные укрепленные полосы, в пограничных районах делались приготовления к разрушениям и затоплению. Из расчета войны на востоке принимались и другие меры военного характера. В частности, склады вооружения и боеприпасов располагались, как правило, вдоль Вислы и к западу от нее (в районе Томашова), т. е. дальше от предполагаемого Восточного фронта. Много вооружения попало потом в руки гитлеровцев и использовалось ими для борьбы против самих поляков¹⁴. К этому следует добавить, что гитлеровское командование при помощи разветвленной сети шпионажа было хорошо осведомлено о степени подготовки Польши к войне. Один из немецких военных специалистов, П. Леверкюн, свидетельствует, что «в начале войны с Польшей верховному командованию были полностью известны организация польской армии, план стратегического развертывания и другие наиболее существенные данные военного и военно-географического характера»¹⁵.

В результате уже с первых дней войны повсюду началось почти безостановочное отступление польских войск. Оборонявшая Силезию армия «Краков» в первые два дня после начала военных действий была основательно потрепана и начала поспешно отходить на восток. К исходу пятого дня войны фашистские войска заняли всю территорию Силезии и вышли к р. Дунаец. В то же время между армиями «Краков» и «Лодзь» вклинились гитлеровские бронетанковые дивизии, образовав брешь в польских позициях шириной свыше 100 км. Сюда было брошено большое количество гитлеровских танков, использовавших этот прорыв для продвижения на Варшаву и Радом.

Отступавшая в направлении Лодзи польская армия «Лодзь» к 5 сентября была уже отрезана от своих соседей, попала в очень тяжелое положение и была затем постепенно уничтожена. Ее отступление повлекло за собой отход армии «Познань», сосредоточенной к северо-западу от армии «Лодзь». В то же время войска, находившиеся в Польском коридоре, были отрезаны от соседей с юга. Находившиеся здесь части начали пробиваться, ведя упорные бои, вдоль Вислы на Модлин и Варшаву. Армия «Модлин», оборонявшая к северу от Варшавы границу с Восточной Пруссией, также оказалась под угрозой полного окружения. (см. схему 1 военных действий в Польше)^{15а}.

¹² «Я знал,— писал этот офицер,— насколько важны депеши, которые лежат без употребления в моих руках, депеши, на которые я не мог ответить. Командующие армиями ждали приказов, которых не могли получить».—САУ, II (3) 2. «Wyciąg z relacji kpt. Biernackiego».

¹³ Цит. по кн.: S. Arskiego. Przeklęte lata. U źródeł katastrofy wrześniowej. Warszawa, 1952, str. 7.

¹⁴ САУ, II (3) 2. Torun Stanisław. Wyciąg z uwag o planie wojny z Niemcami.

¹⁵ «Итоги второй мировой войны». М., 1957, стр. 270.

^{15а} Схема взята из альбома, приложенного к книге «Вторая мировая война 1939—1945». М., 1958.

Таким образом, гитлеровские войска к 7 сентября на ряде участков глубоко вклинились между польскими армиями, образовав многочисленными клещи и котлы. Двигаясь из Силезии и Восточной Пруссии на Варшаву, они постепенно рассекали страну на две половины, замыкая в огромный котел к западу от линии Нарев — Висла всю польскую армию. «Поляки всюду сражались с большим ожесточением, — признает Тицпельскирх. — Но при всей их храбрости на поле боя они были не в состоянии исправить безнадежного положения армии. Кавалерийские атаки против немецких танков не могли эффективно восполнить недостаточную противотанковую оборону, как бы успешны ни были во многих местах ночные нападения на сильно растянутые немецкие соединения»¹⁶.

Повсеместный отход польских частей в глубь страны превратился вскоре в беспорядочное бегство. Рыдз-Смиглый, признавая свое полное банкротство как главнокомандующего, писал 3 сентября: «Фронт везде прорван, нам остается только отойти на Вислу, поскольку это будет еще возможно»¹⁷. 6 сентября он отдал приказ всем польским армиям об общем отходе на линию Нарев — Висла — Дунаец. Здесь предполагалось укрепиться и перейти к обороне, но достичь этого не удалось. Большая часть войск не смогла даже пробиться к данному рубежу.

Несмотря на огромное превосходство в силах, гитлеровские завоеватели встретились с упорным сопротивлением польских солдат и патриотически настроенных офицеров. Многие отдельные подразделения и части польской армии в течение длительного времени оказывали сопротивление врагу, стояли насмерть, защищая родную землю. На защиту городов и сел выходили отряды добровольцев. Среди них немало было коммунистов, многие из которых часто шли на боевые позиции прямо из тюрем после долгих лет заключения. В сентябре 1939 г., выйдя из тюрьмы Равич и пробиваясь к сражающейся Варшаве, погиб смертью героя известный деятель польской компартии Мариан Бучек. Он сражался во главе небольшой группы польских солдат и бежавших из тюрьмы политических заключенных. В боях при обороне Модлина участвовал коммунист и бывший заключенный Мечислав Калиновский, будущий герой битвы под Ленино. Под Варшавой сражался участник добровольческих рабочих батальонов коммунист Хенрик Рун, позже один из организаторов «Общества друзей СССР». Под Кутно и Варшавой в качестве добровольца боролся коммунист Шимон Краковский, впоследствии один из организаторов партизанского движения на территории Люблинского воеводства. В боях под Ломжей принимал участие коммунист Винценты Руткевич. Тысячи известных и неизвестных героев показали в борьбе с врагом образцы мужества.

Стойко сражались польские части в одной из крупнейших битв сентябрьской кампании — на р. Бзуре. Две польские армии — «Поможе» и «Познань», — оказавшись в окружении, с упорными боями пробивались к Варшаве. В районе местечек Озоркув и Ленчица польские части на широком фронте атаковали гитлеровскую дивизию, прикрывавшую северный фланг наступавшей через Лодзь 8-й гитлеровской армии. Тогда фашистское командование бросило в этот район около 20 дивизий, огромное количество артиллерии, танков и самолетов. Но, несмотря на подавляющее превосходство гитлеровцев, польские солдаты в течение ряда дней упорно атаковали врага.

11 сентября под деревней Орля польские подразделения разбили противотанковый дивизион 30-й гитлеровской дивизии и захватили при этом противотанковое орудие врага. Когда вражеские танки начали контратаку, расчет этого орудия вступил в единоборство с фашистскими танками,

¹⁶ К. Тицпельскирх. История второй мировой войны, стр. 25.

¹⁷ «Polskie Siły Zbrojne w drugiej wojnie światowej» (далее — «Polskie Siły Zbrojne»), т. 1, cz. 2. Londyn, 1954, str. 10.

уничтожив или повредив несколько вражеских машин. Неравный поединок закончился лишь тогда, когда был убит последний польский солдат, обслуживавший орудие¹⁸.

Под местечком Лович несколько польских танкеток из армии «Поможе» попытались пробиться к сражающимся частям армии «Познань» для установления прерванной связи. В пути они внезапно натолкнулись на танки 1-й гитлеровской бронетанковой дивизии. Укрыться и избежать столкновения с ними было невозможно. Экипажи польских танкеток смело пошли в бой и погибли как герои. Их машины были буквально изрешечены вражескими снарядами. После разгрома армий «Поможе» и «Познань», остатки которых сложили оружие лишь 19 сентября, многие подразделения и группы солдат этих армий, которым посчастливилось вырваться из лап фашистов, пробивались к Висле и вливались здесь в ряды защитников Варшавы и Модлина, продолжавших сопротивляться врагу.

К тому времени бои шли уже за столицу Польши. 8 сентября вражеские танки 4-й бронетанковой дивизии достигли Варшавы и начали атаки города со стороны районов Охота и Воля. Но гитлеровской армии не удалось взять с ходу столицу Польши, на ее защиту поднялось все население города. На улицах и окраинах Варшавы жители строили баррикады, противотанковые и проволочные заграждения, убежища. Прорвавшиеся к городу танки были встречены ожесточенным огнем противотанковых орудий, гранатами, зажигательными бутылками.

За ночь к городу были подтянуты все силы гитлеровской бронетанковой дивизии, и на следующий день атаки на город возобновились. В наступление было брошено множество танков. Но и на этот раз немецкие танкисты встретили упорное сопротивление защитников города. Для обороны города в это время была спешно образована новая армия «Варшава». Впрочем, она лишь называлась армией. Ее командующий генерал Руммель писал: «Мне поручают оборону Варшавы, где почти нет войска... где ничего не подготовлено к обороне, а немцы начинают уже «стучать» в дверь и на переправах и в самом городе»¹⁹. Но, несмотря на неподготовленность города к обороне, его население было полно решимости оказать сопротивление врагу. Пролетариат столицы стал во главе защитников города, самоотверженно боролся на его баррикадах.

В сентябрьские дни коммунисты вместе со многими рабочими-социалистами, беспартийными рабочими и солдатами завязали первые бои с танками врага в районах Воля и Охота. 7 сентября из тюрьмы в Варшаве вышла, несмотря на противодействие полиции, группа заключенных-коммунистов и приняла участие в защите города²⁰. Коммунисты мобилизовывали людей на фортификационные работы, устанавливали контроль над распределением продовольствия и помогали беженцам. Они были душой формирующихся рабочих батальонов²¹, сыгравших важную роль в обороне Варшавы.

Рабочие повсюду собирались в колонны и требовали оружия. Они демонстрировали с лозунгами «Мы требуем оружия!», «Все на защиту Варшавы!». Но военные власти боялись выдать оружие рабочим, и оно оставалось лежать на складах, а позже было либо уничтожено, либо попало в руки врага. Так, например, на крупном военном складе в Демблине (южнее Варшавы) находилось 150 тыс. винтовок, 2,5 тыс. станковых пулеметов, 3 тыс. ручных пулеметов, несколько поездов с боеприпасами и другие военные материалы²². Однако защитникам города не дали это

¹⁸ «Kämpferlebnisse aus dem Feldzug in Polen 1939». Berlin, 1940, S. 29.

¹⁹ CAW, II (3) 13. General dywizji Juliusz Rommel d-ca Armii Łódź — Warszawa, «Armia «Łódź»».

²⁰ «Trybuna Wolności», 7—13.IX.1949.

²¹ «Trybuna Ludu», 2.VIII.1956.

²² CAW, II(3)2. Torun Stanisław. Wyciąg z uwag o planie wojny z Niemcami.

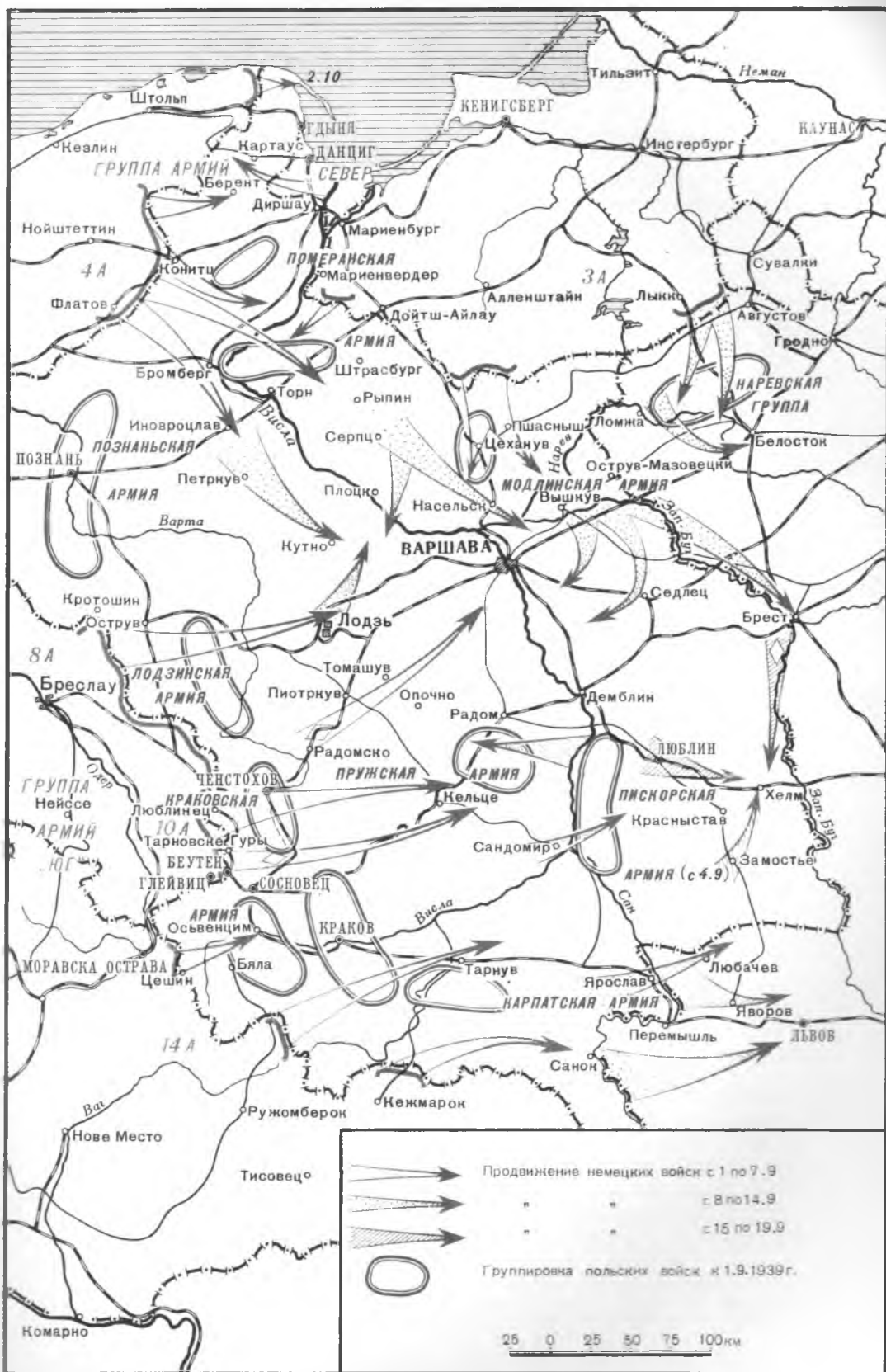

Схема 1. Военные действия в Польше (1.9-2.10.1939г.)

оружие. Когда гитлеровцы уже заняли Восточный вокзал, рабочие узнали, что на его путях находится поезд с боеприпасами. Было решено угнать этот поезд с вокзала. С этой целью группа железнодорожников пробралась в тыл противника и доставила поезд к своим оборонительным линиям. Но этих боеприпасов было недостаточно, и к последним числам сентября они уже были полностью исчерпаны.

Чтобы сломить сопротивление защитников Варшавы, Гитлер еще 12 сентября распорядился начать массированные налеты на город. Одновременно к городу были стянуты крупные силы наземных войск²³. Окружив к 14 сентября Варшаву плотным кольцом, гитлеровцы начали систематические артиллерийские и воздушные бомбардировки ее улиц, домов, коммунальных предприятий и т. д. Гитлеровцы уничтожили электростанцию, вывели из строя водопроводную сеть города, разрушали склады с продовольствием и боеприпасами. Бомбардировки следовали одна за другой. 10 сентября, например, Варшаву бомбили в течение дня 15 раз. Один из польских летчиков, перелетевший в те дни в Венгрию, рассказывал: «С воздуха город представляет ужасное зрелище. Едва ли хоть одно здание осталось целым. Сильные пожары догорают сами по себе. «Ничейная земля» между немцами и обороняющимися усеяна трупами. Продуктов не хватает, старики и дети не выходят из подвалов, где они укрылись. Газа нет»²⁴.

Следует отметить, что действия гитлеровской авиации, бомбившей город с воздуха, оставались почти безнаказанными. Правда, летчики истребительной бригады самоотверженно сражались и им удалось уничтожить много фашистских самолетов, но они, конечно, не смогли выдержать напор превосходящих сил вражеской авиации. Зенитная же оборона города не была подготовлена. Многие орудия устарели, их огонь был мало эффективным. Из-за преступной бездеятельности санационного командования польская столица оказалась в эти дни открытой для действий вражеской авиации.

Несмотря на значительное превосходство атакующего врага, защитники города, в том числе бойцы воинских подразделений и добровольческих рабочих батальонов, предпринимали смелые контрнаступления на отдельных участках обороны. 12 сентября штурмовой отряд, в состав которого входили пехотный батальон и две танковые роты, начал атаку на Окенце, в ходе которой был захвачен гитлеровский танк и уничтожено несколько автомашин противника. 15 сентября на Груецком шоссе защитники города атаковали подразделение гитлеровцев. Завязалась схватка, в результате которой было взято в плен несколько фашистских солдат. 16 сентября гитлеровцы атаковали оборонительные позиции защитников города на Гроховской улице. Во время штыкового контрудара польских солдат было захвачено много немецкого оружия и различного военного имущества, а также взято в плен 120 гитлеровских солдат и офицеров²⁵. Ожесточенные бои, переходившие иногда в рукопашные схватки, происходили повсюду.

Три недели защитники Варшавы выдерживали натиск гитлеровских полчищ, несмотря на непрерывные обстрелы и бомбардировки, на острую нехватку воды, продовольствия, медикаментов и боеприпасов. Утром 25 сентября гитлеровцы начали новый ожесточенный штурм города. Дальнейшее продолжение борьбы в условиях, когда война в целом была уже проиграна, не имело смысла. 27 сентября был подписан акт о капитуляции Варшавы.

²³ Наступавшие на город гитлеровские войска располагали 400 танками и 80 орудиями. В распоряжении же защитников Варшавы находилось всего 54 орудия и 36 легких разведывательных танков. — Z. Stanicki. Obrona Warszawy we wrześniu 1939 r. — «Za Wolność i Lud», 1956, № 9.

²⁴ «The Second Great War. A Standard History», vol. I. London, 1940, p. 128.

²⁵ Z. Stanicki. Obrona Warszawy... — «Za Wolność i Lud», 1956, № 9.

В течение сентября происходили упорные бои в ряде других мест страны. Героически защищали польские солдаты, моряки и население небольшую прибрежную полосу на севере Польши. Эта территория была слабо подготовлена к обороне. С моря прибрежные воды охранялись весьма незначительным флотом, состоявшим (после отплытия накануне войны трех эскадренных миноносцев в Англию) из одного эсминца, одного минного заградителя, пяти подводных лодок и нескольких других небольших судов. Гитлеровцы же для захвата польского побережья использовали три крейсера, девять эскадренных миноносцев, флотилию катеров-охотников, броненосцы «Шлезвиг-Гольштейн» и «Шлезия», а также несколько десятков других судов²⁶. Кроме того, туда была брошена морская авиация и значительное количество наземных войск.

Сухопутные силы Польши на побережье были также весьма незначительны. Они состояли из нескольких прибрежных артиллерийских и зенитных батарей, располагавших очень ограниченным запасом боеприпасов. Здесь же имелось небольшое число устаревших самолетов. Гарнизоны в Гдыне, Хеле и других опорных пунктах были малочисленны. Но, несмотря на такое соотношение сил, оборона побережья была упорной и длительной. Выступление противника в ночь на 1 сентября началось здесь еще до открытия военных действий в других районах. Фашистское командование планировало захватить внезапным ударом железнодорожную линию Хойнице — Тчев, для чего предполагало в первую очередь занять конечные станции этой линии. Для захвата станции Тчев и расположенного рядом железнодорожного моста был послан со стороны Мальброма бронепоезд. Рабочие-путейцы сообщили в Тчев о грозящей опасности. Железнодорожники ст. Тчев направили бронепоезд на запасный путь, и он сошел с рельсов. Но гитлеровский десант все же смог высадиться и завязал бой. Солдаты и рабочие упорно обороняли станцию, а мост, который намеревался захватить фашистский десант, взорвали. В это же время происходил бой и на другом конце линии, под Хойнице. Сюда также был направлен вражеский бронепоезд, и высадившийся десант овладел станционным зданием. Но вскоре завязался ожесточенный бой, во время которого группа польских саперов взорвала железнодорожный мост, и путь для продвижения бронепоезда оказался отрезанным. Однако это только на время могло оттянуть захват Хойнице. Вскоре подошла гитлеровская моторизованная дивизия. Отбить станцию уже не удалось²⁷.

Героически сражался и гарнизон Вестерплатте — небольшого пункта, расположенного на полуострове у входа в Гданьский порт. Защитников Вестерплатте — солдат, матросов и рабочих — насчитывалось немногим более 170 человек²⁸. В их распоряжении было два противотанковых орудия, несколько пулеметов, четыре миномета, одно старое 74-мм орудие²⁹ и весьма ограниченный запас боеприпасов. Первый день нападения на Вестерплатте не принес противнику никакого успеха. 2 сентября атаки повторились. Налетами с воздуха был выведен из строя водопровод, разрушен ряд зданий, прервано телефонное сообщение. В последующие дни атаки гитлеровцев как с суши, так и с воздуха становились еще сильнее, в бой бросались новые и новые силы. Все укрепления и постройки Вестерплатте в результате непрерывного обстрела загорелись. Но защитники Вестерплатте держались в таких тяжелейших условиях до 7 сентября. И только когда кончились все боеприпасы, продовольствие, когда вышли из строя единственная пушка и минометы, когда был совершенно разрушен ряд укрепленных пунктов, 16 защитников форта было убито, а многие ранены, — только тогда гитлеровцам удалось захватить Вестер-

²⁶ «Myśl wojskowa», 1954, № 9, str. 113.

²⁷ «Kampferlebnisse...», S. 95—99.

²⁸ St. K n a u f f. Wojna zaczęła się..., str. 38.

²⁹ Ibid., str. 41.

платте. Оборона этого пункта является одной из наиболее ярких страниц в истории польского сопротивления.

Одновременно с нападением на Вестерплатте гитлеровцы выступили и в самом Гданьске, о присоединении которого к рейху было объявлено в первый же день войны. Банды фашистской полиции и эсэсовцев с утра 1 сентября начали захватывать польские учреждения, терроризировать население города. Но не везде эти действия проходили безнаказанно. Гитлеровцы, например, встретили упорное сопротивление служащих почтамта. В течение целого дня работники почты отбивали атаки гитлеровских солдат, поддерживаемых танками, артиллерией и огнеметами. Фашисты стреляли по зданию почты из 105-мм орудий прямой наводкой с расстояния в 50 м. Помещение горело и рушилось. Многие из защитников почтамта были убиты. Оставшиеся в живых, раненые и обгоревшие находились почти в бессознательном состоянии. К вечеру они были взяты гитлеровцами в плен. Все защитники почтамта были приговорены фашистским военным судом к смертной казни.

В героической обороне польского побережья принимали участие также солдаты и моряки Хели — вытянувшейся в Гданьскую бухту длинной и узкой косы. После захвата Гданьска, Вестерплатте и других пунктов побережья гитлеровская пехота и морские силы начали операцию по очистке этой косы. Находившийся здесь польский гарнизон, насчитывавший 2 тыс. человек, стойко оборонял каждую пядь родной земли³⁰. Два военных судна противника планомерно обстреливали узкую полосу земли, в воздухе все время висела вражеская авиация, непрерывно сбрасывавшая бомбы. Был подожжен сосновый лес, который покрывал полуостров. В море огня и дыма, сдерживая непрекращавшиеся атаки фашистской пехоты, гарнизон медленно отходил к концу косы. Вся ее территория была буквально изрыта снарядами и бомбами. Когда в руках защитников Хели оставался уже небольшой клочок земли, было решено взорвать отделявший его от гитлеровской пехоты перешеек и, образовав таким образом пролив, оторваться от наседавшего врага. Для этой цели были использованы торпедные заряды, снятые с подводных лодок. Защитники Хели держались до 1 октября. К этому времени у них не осталось ни провианта, ни боеприпасов. Но даже в последний день борьбы польские зенитчики сумели сбить самолет врага.

Такую же стойкость и мужество польские солдаты и патриотически настроенные офицеры проявили в ряде других сражений сентябрьской кампании, как, например, в обороне Модлина, длившейся до 28 сентября, а также в более мелких столкновениях.

Но героическое сопротивление отдельных групп польской армии и населения ряда городов не смогло изменить общего неблагоприятного для Польши хода борьбы, так как санационные правители оказались не в состоянии руководить борьбой польского народа против гитлеровских захватчиков. В сентябрьские дни полностью развалился государственный аппарат, рухнул весь прогнивший государственный строй буржуазно-помещичьей Польши. Народ и армия были деморализованы предательством и разложением правящей санационной верхушки и военного командования. Правительство, высшее военное командование, центральные и воеводские власти бежали. В первый же день войны Варшаву покинул президент Польши Мосьцицкий³¹, а 4 сентября из столицы началась поспешная эвакуация правительственных и других центральных учреждений, а также вывоз запасов золота из Польского банка. 6 сентября, как

³⁰ H. Steele. The Story of the Second World War. Boston, 1945, p. 30—35.

³¹ В ночь с 1 на 2 сентября Мосьцицкий выехал на частную виллу одного из своих знакомых в село Блота под Варшавой, а затем в замок князя Радзивилла в Ольке.— F. Sławoj-Składkowski. Prace...— «Kultura», 1948, № 5, str. 82, 103. Позже вместе с другими правителями он бежал в Румынию.

уже указывалось, из Варшавы бежал и главнокомандующий Рыдз-Смиглы. сначала в Брест, а затем на юг, к румынской границе³². Даже авторы книги по истории польских вооруженных сил во второй мировой войне, изданной польскими эмигрантами в Лондоне, признают тяжелые, угнетающие последствия этого шага. «Общественное мнение столицы, — пишут они, — отождествляло эвакуацию государственных властей и учреждений с решением отдать Варшаву немцам без борьбы. Этому во многом способствовали внезапность, скрытность, массовое сжигание документов, первозность, хаотичность, сопровождавшие эвакуацию, все это производило впечатление бегства.

Реакция варшавской общественности была двоякая: одни — относительно немногочисленные — собирались, сея панику, бежать, другие выражали возмущение и решительный протест. Это второе настроение охватывало самые широкие слои населения и целиком господствовало»³³.

Паника, охватившая военное командование, еще более усугубляла тяжелую обстановку в стране. Распоряжения, исходившие от военных властей, были противоречивы и вносили повсюду полную неразбериху. Например, в ночь с 6 на 7 сентября по варшавскому радио к населению столицы обратился представитель штаба главнокомандующего и объявил, что все способные к военной службе мужчины должны немедленно покинуть столицу и идти на восток, где они будут якобы включены в воинские части для продолжения борьбы. Через несколько часов после переданного по радио распоряжения, уже глубокой ночью, была оглашена новая директива, отменявшая эвакуацию мужчин. Несмотря на новое распоряжение, с самого раннего утра следующего дня толпы жителей Варшавы двинулись на восток. Часть из тех, которые последовали первому призыву, на следующий день возвращалась назад, другие же продолжали идти дальше, сами не зная куда. Под впечатлением панической эвакуации правительственных учреждений «население столицы, — как признают те же эмигрантские историки, — было дезориентировано, испытывало чувства гнева и возмущения, отчаяния, что привело к упадку доверия к органам, руководившим войной»³⁴.

Такие настроения охватили не только население столицы, но и всю страну. Больше всего народ возмущался тем, что, в то время как на фронте еще продолжалась неравная борьба с гитлеровскими полчищами, подавляющая часть офицеров военного министерства и других центральных военных служб и ведомств бежала вместе с семьями на восток, увозя с собой даже домашний скарб³⁵.

Разложение и паника царили также среди верхушки командного состава непосредственно на фронте. Следуя примеру своего высшего командования и министров, командиры многих армий и дивизий бросали подчиненные им войска. Дезертиром оказался командующий армией «Прусы» генерал Донб-Бернацкий. Бежал с поля боя генерал Скварчинский в тот момент, когда его полки, чтобы вырваться из окружения, начали бой на варшавском направлении, под Илжей. Одним из первых удрал на правый берег Вислы небезызвестный генерал Андерс, командовавший тогда кавалерийской дивизией. Поспешно ретировались в тыл командиры кавалерийской бригады полковник Ганка-Кулеша и полковник Веробей³⁶. Дезертировали также многие другие высшие офицеры.

³² Небольшая часть штаба главнокомандующего во главе с начальником генерального штаба Стахевичем осталась в Варшаве.

³³ «Polskie Siły Zbrojne», t. I, cz. 2, str. 348.

³⁴ «Polskie Siły Zbrojne», t. I, cz. 2, str. 598.

³⁵ В донесении, поступившем из Люблина, указывалось, например: «Население возмущено тем, что на автомашинах ПЧК (Польский Красный Крест.— В. Н.) едут дамы с мебелью, собачками и т. д.» — «Polskie Siły Zbrojne», t. I, cz. 2, str. 737.

³⁶ T. Rawski. U źródeł zacofania i słabości armii przedwrześniowej.— «Wojsko Ludowe», 1954, № 9.

Предательство и бездарность правящей буржуазно-помещичьей клики и санационного военного командования, их неспособность организовать силы народа на защиту родины явились одной из причин поражения польского народа в сентябрьской кампании 1939 г.

Руководящие польские правительственные и военные круги после начала военных действий, когда десятки и сотни городов и сел уже были охвачены пламенем пожаров, все еще надеялись на то, что как-нибудь удастся договориться с Гитлером. Вечером 1 сентября командование польской армии даже сочло возможным передать следующее распоряжение всем своим войскам: «Главнокомандующий дал указание не производить ни наступательных операций, ни воздушных бомбардировок за пределами страны»³⁷. Польские правители надеялись при этом на англо-французских союзников, рассчитывая с их помощью убедить Гитлера отказаться от дальнейшего развертывания военных операций против Польши. Английские и французские правящие круги были готовы договориться с Гитлером, но, разумеется, за счет интересов Польши, посредством нового Мюнхена, выдав Гитлеру часть территории Польши. Англо-французские правящие круги и стоявшие за их спиной США надеялись также на последующее столкновение гитлеровской Германии с Советским Союзом.

Когда же соглашение с Гитлером в самом начале войны, несмотря на прилагавшиеся усилия, не удалось, Англия и Франция 3 сентября объявили Германии войну, хотя попытки добиться соглашения продолжались и после этого. Из Варшавы в Париж и Лондон полетели одна за другой телеграммы с мольбой о помощи. Бек просил союзников начать наступление с запада на линию Зигфрида, нанести ряд ударов с воздуха по промышленным центрам Германии силами англо-французской авиации и осуществить высадку английского десанта где-либо на побережье Германии³⁸. Это должно было, по его расчетам, сделать Гитлера более сговорчивым. Но союзники не торопились начать непосредственные военные действия и оказать действенную помощь Польше, нарушив тем самым существовавшие между ними и Польшей соглашения.

Известно, что Англия и Франция взяли на себя обязательство открыть военные действия против Германии в случае нападения последней на Польшу. Еще 31 марта 1939 г. английский премьер-министр Чемберлен сделал в парламенте заявление о предоставлении Польше гарантий независимости. В мае 1939 г. в Варшаве происходили переговоры между польской и английской военными миссиями о мероприятиях в связи с предоставленными гарантиями³⁹. Английские представители уже тогда упорно старались уклониться от конкретных обязательств в отношении помощи. Поэтому они добились включения в соглашение пункта о том, что воздушная помощь Польше будет оказана Англией только после предварительного согласия на это правительств Англии, Франции и Польши.

В июле 1939 г. в Варшаве находился начальник британского имперского штаба генерал Айронсайд, неоднократно заявлявший о готовности Англии к немедленному выступлению в случае нападения на Польшу со стороны Германии, а также обещавший сделать все возможное для предоставления Польше денежного займа⁴⁰. Лишь 25 августа 1939 г. между Англией и Польшей было заключено соглашение, предусматривавшее ока-

³⁷ «Polskie Siły Zbrojne», t. I, cz. 2, str. 3.

³⁸ См. одну из такого рода телеграмм Бека от 6 сентября 1939 г. своему посту в Париже Лукасевичу в воспоминаниях последнего.— J. Łukasiewicz. Zabiegi o współdziałanie aliantów.— «Orzeł Biały», 11.IX.1948.

³⁹ «Polskie Siły Zbrojne», t. I, cz. 1, str. 101. В польскую делегацию входили начальник генерального штаба Стахевич (глава), генерал Уейский и контр-адмирал Свирский; с английской стороны в переговорах принимали участие генерал Клейтон, командор флота Раулингс и полковник авиации Давидсон.

⁴⁰ Ibid., str. 105. Переговоры в Лондоне по этому вопросу вела польская миссия, возглавлявшаяся А. Коцом, но никакого денежного займа, как известно, она не добилась. Вообще, после заявления Чемберлена о гарантиях и до начала войны Польша не получила от Англии ни одного фунта стерлингов.

зание взаимной помощи в случае нападения на одну из них любого европейского государства⁴¹.

Союзнические обязательства по отношению к Польше имела и Франция. 19 мая 1939 г. начальник французского генерального штаба генерал Гамелен и польский военный министр Каспшицкий подписали протокол, предусматривавший военное выступление Франции, если Польша подвергнется нападению со стороны Германии. При этом действия сухопутных войск должны были начаться на третий день после объявления мобилизации во Франции, генеральное же наступление французской армии предусматривалось на 15-й день после начала войны.

Однако, несмотря на эти обязательства и соглашения, ни Англия, ни Франция никакой практической помощи Польше в дни сентябрьской кампании не оказали. На все напоминания о выполнении обязательств следовали уклончивые ответы. В помощи с воздуха, которая была в то время возможной и насущно необходимой, отказывали под разными предлогами. Когда речь зашла о действиях французской авиации, ее командующий генерал Вьюемен сослался на то, что «англичане продолжают соблюдать сдержанное молчание в этом вопросе»⁴². Он также добавил, что в связи со значительными успехами гитлеровской армии намеченная ранее отправка в Польшу нескольких авиационных подразделений была бы очень рискованной⁴³. На совещании в ставке французского верховного командования, состоявшемся 8 сентября с участием премьер-министра Даладье, было заявлено прямо, что не может быть и речи о посылке каких-либо воздушных подразделений в Польшу⁴⁴. А спустя два дня Даладье разъяснил польскому послу Лукасевичу, что бездействие союзной авиации вызвано тем, что англичане «отказались участвовать», а французская армия «не располагает бомбардировочной авиацией, которая могла бы предпринять самостоятельно значительные действия над территорией Германии»⁴⁵. Черчилль откровенно объяснил позицию французских правящих кругов: «Французское правительство,— пишет он,— просило нас воздержаться от воздушных атак на Германию, утверждая, что они вызвали бы ответные атаки на их промышленные предприятия, которые лишены защиты. Мы удовлетворились сбрасыванием листовок, которые должны были морально воздействовать на немцев»⁴⁶.

Следует заметить, что ссылки французских правящих кругов на опасность ответных действий гитлеровской авиации были явно несостоятельны. Французская разведка не могла не знать, хотя бы в общих чертах, чем располагало гитлеровское командование на Западе. Хотя Франция значительно уступала Германии по общему числу самолетов, однако было известно, что против Польши была брошена почти вся гитлеровская авиация и что на западе Германии оставалось лишь небольшое воздушное прикрытие, неспособное организовать самостоятельных активных действий с воздуха⁴⁷. Франция же, как известно, обладала к началу войны не менее чем 1500 самолетами⁴⁸.

⁴¹ «Правда», 27.VIII.1939.

⁴² На самом деле англичане не только соблюдали «сдержанное молчание», но и прямо заявили о своем отказе в помощи с воздуха. Польский посол в Лондоне Рачинский 6 сентября обратился к министру иностранных дел Галифаксу, прося его о немедленной атаке немцев с воздуха. Галифакс ответил, что англичане не могут сейчас распылять свои силы, которые будут необходимы в решающий момент.— F. S i a w o j - S k ł a d k o w s k i. Prace...— «Kultura», 1948, № 5, str. 98.

⁴³ «Polskie Siły Zbrojne», t. I, cz. 2, str. 433.

⁴⁴ Ibid., str. 434.

⁴⁵ Ibid., str. 435.

⁴⁶ W. S. Churchill. The Second World War, vol. I, p. 376.

⁴⁷ Вот что сообщает по этому поводу генерал Вестфаль: «Летные части немецкой авиации были направлены на Польшу. На западе осталось... лишь небольшое количество разведчиков и истребителей старых типов».— S. W e s t p h a l. Heer in Fesseln, S. 71.

⁴⁸ К. Т и н ц е л ь с к и р х. История второй мировой войны, стр. 18.

То же было и с «помощью» наземными войсками. Ожидаемого наступления на западных границах Германии не произошло. Мнение французского главнокомандующего, как он писал об этом впоследствии, было таково, что Франция сможет оказать активное содействие полякам не ранее 1940 г., а наступление на широком фронте сможет подготовить лишь в 1941 или даже в 1942 г. Польский военный атташе в Париже Фыд, с первого дня войны обивавший пороги военных учреждений, не мог добиться никакого вразумительного ответа на свои запросы, а Гамелен вообще отказался принимать его⁴⁹. Результаты стараний Фыда были более чем скромными. Вот его донесения в Варшаву о положении на Западе: «На франко-германском фронте до 23 час. 6 сентября никаких наступательных действий не происходило. Времени начала военных действий мне не сообщают, несмотря на мои требования»⁵⁰. На следующий день он снова с огорчением констатировал: «К 10 час. 7 сентября 1939 г. здесь, на Западе, никакой войны фактически нет. Ни французы, ни немцы друг в друга не стреляют. До сих пор нет также никаких действий в воздухе. Непосредственной связи с генералом Гамеленом я все еще не имею. Отделяются связным генералом Денцем, который увिलивает от ясных ответов. Моя оценка: французы дальнейшей мобилизации, а также никаких действий не производят и ожидают результатов битвы в Польше»⁵¹. И это в то время, когда решительный удар с Запада мог бы совершенно изменить весь ход войны. Ведь гитлеровское командование имело на Западе 11 кадровых пехотных дивизий, а французы располагали 90 дивизиями⁵². Но эта возможность не была использована.

Как политики на Западе, так и гитлеровские главари полностью отдавали себе отчет в сложившемся соотношении сил. Первые из них и в тот период и много времени спустя пытались и пытаются найти тысячу причин и объяснений в оправдание своего предательства в отношении Польши и полной бездеятельности в столь благоприятный с военной точки зрения момент для нанесения решительного удара по зарвавшимся фашистам. Вторые более откровенны. Они прямо заявляют, что если бы англо-французские войска начали тогда активные военные действия против гитлеровской армии, то последняя неминуемо была бы остановлена в самом начале агрессии против миролюбивых народов Европы. Бывший гитлеровский генерал Манштейн, тщательно изучавший соотношение сил гитлеровской Германии и воевавших тогда с нею держав, пишет: «Не подлежит никакому сомнению, что французская армия с первого дня войны во много раз превосходила немецкие силы на Западе»⁵³. Затем он приходит к выводу, что «дело развивалось бы совершенно иначе, если бы западные державы перешли в наступление на Западе раньше»⁵⁴. Об этом же свидетельствует и Типпельскирх: «Французская армия оставалась достаточно многочисленной, чтобы превосходящими силами нанести удар на Западе еще до окончания военных действий в Польше». Но все дело в том, что «осенью 1939 г. Франция не захотела использовать явную слабость немцев на Западе для немедленного наступления»⁵⁵.

При всем этом французские правящие круги на словах продолжали заявлять о своей готовности оказать помощь Польше и выполнить свои

⁴⁹ Лукасевич в своих воспоминаниях пишет: «Больше всего меня беспокоило отношение французской ставки к моему военному атташе, характеризовавшееся сдержанностью и желанием любой ценой от него отделаться. Ему не предоставляли никакой информации, которая позволила бы ориентироваться в военных планах командования союзников». — J. Łukasiewicz. Zabiegi... — «Orzeł Biały», 11.IX.1948.

⁵⁰ «Polskie Siły Zbrojne», t. I, cz. 2, str. 435.

⁵¹ Ibid., str. 436.

⁵² Манштейн добавляет, что «фактически Франция осенью 1939 г. ... в течение трех недель выставила 108 дивизий». — E. v. Manstein, Verlorene Siege, S. 25.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Ibid., S. 56.

⁵⁵ К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 11, 17.

обязательства по отношению к ней. Французский министр иностранных дел Боннэ с первого дня войны всячески успокаивал польского посла в Париже Лукаевича, заверяя его, что Польша может рассчитывать на лояльное выполнение Францией союзнических обязательств. (Но Лукаевич в своих воспоминаниях печально констатирует, что Боннэ «не мог информировать меня точно, когда и в какой форме это наступит»⁵⁶.) Подобные же лицемерные обещания давал и главнокомандующий французской армией генерал Гамелен, заявивший еще 9 сентября прибывшему в то время из Польши главе польской военной миссии при французской ставке генералу Бурхарт-Букацкому, что французские наземные силы начнут военные действия в соответствии со сроками, предусмотренными в конвенции от мая 1939 г.⁵⁷ Но 15 сентября Гамелен сообщил Рыдз-Смиглому через главу французской военной миссии в Польше генерала Ферри, что в связи с состоянием мобилизации французской армии он не может ускорить наступление французской армии, хотя все же обещает начать его 17 сентября. На другой день Гамелен телеграфировал генералу Стахевичу о решении вновь отложить наступление уже на 20 сентября. В телеграмме подчеркивалось, что этот срок является окончательным и все приготовления закончены⁵⁸. Увы! Французское командование не собиралось начинать наступление ни 17-го, ни 20-го, ни в какой-либо другой день. Карты были открыты, когда тот же Гамелен в беседе с глазу на глаз с Лукаевичем дал ему понять, что наступления вообще не будет⁵⁹. Да это, собственно, было решено еще 4 сентября во время встречи Гамелена с представителями английского командования. Партнеры пришли к единодушному мнению, что преждевременное «распыление» сил является нецелесообразным⁶⁰. О планах высадки английского десанта на побережье Германии не было даже и речи. Никто, кроме польского министра иностранных дел, об этом не думал и не вспоминал.

Позицию западных союзников Польши в этот период очень наглядно характеризуют переговоры, которые вели польские военные представители в Лондоне. 3 сентября из Варшавы в Лондон были направлены генерал Норвид-Нойтебауэр и майор Иллинский для переговоров со штабом английской армии. Прибыв в тот же день в столицу Великобритании, они просидели без дела до 9 сентября, пока наконец не были приняты генералом Айронсайдом. Польские представители просили его немедленно приказать английской бомбардировочной авиации начать действовать и, кроме того, срочно послать в Польшу истребители и боеприпасы для борющейся польской армии.

Но эта просьба осталась без ответа. Английское правительство не только не предоставило Польше никакой помощи, но даже и не обещало ничего. Айронсайд посоветовал закупить оружие где-либо в нейтральных странах, например в прибалтийских государствах и Швеции. На следующий день он сообщил, что в румынский порт Констанцу будто бы прибыл пароход для Польши с истребителями и что авиация союзников начала активные действия. Но, как оказалось, оба эти сообщения были ложными. На конкретную же просьбу польских представителей отправить в Польшу по воздуху 100 истребителей Айронсайд ответил, что окончательное решение «зависит от министра авиации», а он, Айронсайд, обещает лишь сделать «все возможное, чтобы повлиять на политических деятелей».

После нескольких дней проволочек Айронсайд 15 сентября наконец заявил польским представителям: «Кроме 10 тыс. «гочкиссов» и 15—20 млн.

⁵⁶ J. Łukasiewicz. Wrzesień 1939 r. w Paryżu.— «Orzeł Biały», 28.VIII.1948.

⁵⁷ J. Łukasiewicz. Zabiegi...— «Orzeł Biały», 11.IX.1948.

⁵⁸ J. Warecki. Zobowiązania wojskowe Francji i Anglii w stosunku do Polski w 1939 r.— «Sprawy Międzynarodowe», 1949, zeszyt 1/2, str. 258.

⁵⁹ Ibid., str. 259.

⁶⁰ Ibid., str. 260.

патронов, Англия не может в настоящее время предоставить Польше ничего из военных материалов — ни танков, ни зенитной и противотанковой артиллерии, ни истребителей, ни обмундирования. Первые транспорты из Англии можно ожидать не раньше как через 5—6 месяцев». При этом он еще раз посоветовал закупить вооружение в нейтральных государствах, на сей раз в Бельгии, Испании или Канаде⁶¹. Итак, обещание помощи через 5—6 месяцев и совет раздобыть оружие где-либо в другом месте — вот все, что получила Польша в результате этих переговоров.

Сейчас для нас ясны причины, почему в то время Англия и Франция нарушили обязательства и предали своего союзника, оставив Польшу без всякой помощи лицом к лицу с гитлеровской Германией. Империалистические круги западных стран продолжали тайные переговоры с представителями фашистской Германии, надеясь на заключение сделки с ними и на последующее столкновение гитлеровской Германии с Советским Союзом. Действия английских и французских правящих кругов находили поддержку и со стороны американской дипломатии⁶².

Таким образом, в сентябрьском поражении буржуазно-помещичьей Польши, помимо «своей» правящей клики, проводившей антинародную политику, повинны также и англо-французские империалисты. Это они выдали Польшу на растерзание фашистским завоевателям в 1939 г., изменив своему союзническому долгу и нарушив взятые на себя договорные обязательства.

В условиях полного развала и краха буржуазно-помещичьего польского государства на востоке Европы возникла весьма сложная и чреватая всякими неожиданностями обстановка. Советский Союз, у границ которого все это происходило, не мог не предпринять некоторые меры с тем, чтобы ограничить распространение конфликта, остановить дальнейшее продвижение фашистских войск, создать оборонительный вал против фашизма. Советский Союз считал себя также обязанным взять под защиту жизнь и имущество украинцев и белорусов, проживавших на территории западных областей Украины и Белоруссии, захваченных белополяками еще в 1920 г. Население этих областей было брошено на произвол судьбы и могло оказаться жертвой всякого рода случайностей. Учитывая все это, советские войска по приказу советского правительства 17 сентября 1939 г. перешли бывшую советско-польскую государственную границу и вступили на исконные украинские и белорусские земли.

В эмигрантских писаниях и работах буржуазных историков⁶³ излюбленным оправданием постыдного дезертирства правящей верхушки Польши в 1939 г. является утверждение о том, что бегство правительства и военного командования будто бы было вызвано вступлением на территорию западных областей Украины и Белоруссии советских войск, нанесших якобы «удар в спину». Подобная клевета не имеет ничего общего с исторической правдой. Советские войска, выполняя освободительную миссию и боря под защиту западных украинцев и белорусов, перешли бывшую советско-польскую границу, как сказано, только 17 сентября, когда стало совершенно очевидно, что польская армия никакого организованного сопротивления гитлеровцам уже не могла оказать, государственный аппарат буржуазно-помещичьей Польши развалился, а ее обанкротившиеся правители находились к этому моменту на границе с Румынией, договорившись с румынским правительством о проезде через территорию Румынии на запад. При этом следует иметь в виду, что вопрос о бегстве

⁶¹ S. Dobrowolski. Z archiwum v. Moltkego.— «Przegląd Międzynarodowy», 1948. № 19, str. 22—26; № 21, str. 26—29; № 22—23, str. 34—37.

⁶² См. А. М. Некрич. Некоторые факты периода «странной войны». — «Международная жизнь», 1958, № 4, стр. 89—94.

⁶³ См., например, работу известного буржуазного историка польского происхождения, проживающего в США, О. Галецкого.— О. Halecki. A History of Poland. New York, 1956, p. 309—340.

за границу был решен польскими правителями еще 7—8 сентября. Побуг-Малиновский, польский сановник, стоявший близко к правительственным кругам, утверждает без всяких обиняков: «Вопрос о выезде высших властей Польской республики на Запад, на территорию союзников, не возник в Кутах⁶⁴ в последние дни или часы пребывания на польской земле. Отнюдь нет! *Вопрос этот... обсуждался уже в начале второй недели войны*»⁶⁵ (курсив наш.—В. Н.). Это подтверждается и другими свидетельствами. 7 сентября министр иностранных дел Польши Бек явился к генералу Соснковскому и между ними состоялась беседа, бросающая дополнительный свет на выяснение этого вопроса. «По мнению Соснковского,— пишет в своих мемуарах Бек,— кампания была уже проиграна и следовало как можно быстрее эвакуировать правительство и все те воинские части, которые удастся еще оторвать от противника и направить в юго-восточные районы страны поближе к Румынии с тем, чтобы можно было затем воссоздать польские вооруженные силы на территории наших союзников»⁶⁶. Как раз с таким предложением прибыл к нему и Бек. Их планы в этом отношении мало чем отличались друг от друга. «8 сентября около полудня,— пишет об этой же встрече Соснковский,— явился ко мне министр иностранных дел и заявил, что считает необходимым добиться *in extremis* [в последний момент] согласия румынского правительства на свободный проход польских войск через территорию Румынии к портам»⁶⁷. А вечером того же дня подробности бегства за границу обсуждались между Соснковским и Рыдз-Смиглым.

Румыния рассматривалась лишь как промежуточный этап. Дезертировавшие правители Польши надеялись найти более надежное убежище где-нибудь подальше, во Франции или в Англии. 9 сентября польский вице-министр иностранных дел Шембек вел переговоры в местечке Кременде с французским послом Ноэлем на предмет предоставления во Франции убежища польскому правительству. 11 сентября по этому же вопросу с Ноэлем договаривался и прибывший из Бреста Бек⁶⁸. Такое разрешение от французского правительства было получено, а румынское правительство дало согласие на проезд польских властей через территорию Румынии. Утром 16 сентября Бек направил своего представителя М. Арцишевского, бывшего польского посла в Бухаресте, для обсуждения с румынскими властями уже технических сторон выезда правительства в Румынию⁶⁹. Наконец, в ночь с 17 на 18 сентября, после необходимых приготовлений, президент, главнокомандующий и правительство покинули Польшу.

Как видим, еще до вступления советских войск на территорию западных областей Украины и Белоруссии санационные правители Польши уже находились на пути к Румынии и одновременно вели дипломатические приготовления к выезду за границу, чтобы скрыться там и уйти тем самым от ответственности перед народом за национальную катастрофу. Бегство правящей верхушки пилсудчиков за границу явилось вершиной предательства и измены.

Однако брошенный своими правителями и западными союзниками на произвол судьбы польский народ не намеревался складывать оружие. Польско-германская война 1939 г., несмотря на ее печальный для Польши исход, показала готовность польского народа всеми силами бороться за свою национальную свободу и независимость. В ходе войны польский

⁶⁴ Куты — небольшое местечко на границе с Румынией.

⁶⁵ W. L. Pobóg-Malinowski. Na rumuńskim rozdrożu, str. 128.

⁶⁶ «Pamiętniki Józefa Becka (Wybór)», str. 154.

⁶⁷ Цит. по кн.: «Polskie Siły Zbrojne», t. I, cz. 2, str. 781.

⁶⁸ W. L. Pobóg-Malinowski. Na rumuńskim rozdrożu, str. 128.

⁶⁹ St. Zabiello. Na emigracji 1939/40.— «Sprawy Międzynarodowe», 1956, № 9, str. 43—44. А еще раньше, до Арцишевского, эту же работу в Румынии вел польский консул в Черновцах Буйновский.— W. L. Pobóg-Malinowski. Na rumuńskim rozdrożu, str. 120.

народ, как об этом говорилось выше, показал славные образцы героизма. Но это не могло предотвратить национальной катастрофы, которая явилась результатом преступной внутренней и внешней политики, проводившейся правящей буржуазно-помещичьей кликой. Экономическая отсталость страны, неподготовленность армии и военной промышленности к современной войне и, наконец, открыто враждебная по отношению к Советскому Союзу политика пилсудчиков, приведшая к внешнеполитической изоляции Польши, — все это обусловило полный военный и политический разгром Польши, потерю ею своей национальной и государственной независимости. Польша оказалась добычей гитлеровских агрессоров, и в ее истории наступил самый тяжелый период — пять лет фашистской оккупации, принесших народу неисчислимые жертвы и страдания. Польский народ помнит об этих жертвах и вместе со всеми миролюбивыми силами активно борется против нынешнего преступного курса западных держав и боннских правителей, направленного на возрождение германского милитаризма и реваншизма.

